

На правах рукописи

КОЗЛОВ Максим Александрович

**ТИПОЛОГИЯ РЕЛЯТИВНОЙ АФФИКСАЦИИ КАК
СТРУКТУРНОЙ ДОМИНАНТЫ ФУНКЦИОНАЛЬНО-
СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА В ЯЗЫКЕ ПУШТУ
(в сопоставлении с русским и родственными иранскими языками)**

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

МОСКВА – 2016

Работа выполнена на кафедре средневосточных языков Военного университета.

Научный руководитель: профессор кафедры средневосточных языков Военного университета, доктор филологических наук, профессор **МИКОЛАЙЧИК Владимир Иосифович**

Официальные оппоненты: заведующий кафедрой иранской филологии ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор **ИВАНОВ Владимир Борисович**

кандидат филологических наук
ЖУКОВСКАЯ Елена Андреевна

Ведущая организация: **Московский государственный институт международных отношений МИД РФ**

Защита диссертации состоится на заседании диссертационного совета Д 215.005.01 в Военном университете «___» февраля 2017 г. в 11 часов по адресу: Москва, Волочаевская ул. 3/4. Тел. для справок: 267-0901

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Военного университета, электронная версия размещена на официальном сайте Министерства обороны Российской Федерации: www.mil.ru

Автореферат разослан «___» 2017 г.

Учёный секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Нечаевский В.О.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертационная работа посвящена исследованию средств и способов выражения множественности в языке пушту в сопоставлении с русским и генетически родственными иранскими языками.

Хотя понятие количества существует независимо от человеческого сознания и отражает известную философскую категорию, каждый язык предоставляет особую гносеологическую систему выражения соответствующего категориального значения, позволяющую при помощи разнообразных средств обозначать количественные характеристики предметов.

Как и другие языки, пушту обладает собственными способами и средствами передачи количественности. Их коррелятом в окружающей человека действительности является то, что обозначается философской категорией количества. Эти способы и средства делятся на две принципиально различные структурно-семантические сферы, объединенные между собой лишь объектом отражения.

Первая из этих двух сфер, которую можно охарактеризовать как условно объективную, включает совокупность вербальных средств номинативного характера, которые с известной долей условности можно считать прямым отражением в языке количественных отношений, существующих в реальной действительности.

Настоящее исследование посвящено второй сфере, смысловой основой которой является грамматическая категория числа имен существительных и других частей речи. Вместе с семантически примыкающими к ней другими вербальными средствами грамматическая категория числа образует функционально-семантическую категорию (ФСК) числа. Ее сравнительно-сопоставительный анализ в пушту, русском языке и родственных иранских дает возможность выявить структурные и функциональные особенности выражения единичности и множественности в исследуемых языках, определить сходства и различия в выражении данной категории на разных языковых уровнях.

До сих пор в отечественном и зарубежном языкознании не проводилось системного сравнительно-сопоставительного исследования ФСК числа на материале пушту, родственных иранских и русского языков с целью выявления типологического сходства и различия в средствах и способах его реализации. До настоящего времени

отсутствует системное описание ФСК числа языка пушту, не идентифицированы ее основные свойства.

Актуальность темы диссертационного исследования определяется необходимостью анализа недостаточно изученной области грамматических средств выражения количественных отношений в языке пушту. Большой интерес к подобной теме также обусловлен тем, что, несмотря на некоторую общность принципов средств выражения количественных отношений, пушту обладает значительными отличиями от русского языка в конкретных способах и составе релятивных средств на конкретных уровнях языковой системы. Немаловажным представляется и тот фактор, что пушту в области выражения количественных на протяжении своего исторического развития сохранил оригинальную систему разноуровневых языковых средств выражения множества, кардинально отличающих этот язык от родственных иранских языков, воздействию которых подверглись многие другие области пушту, в частности, лексико-семантическая система. Последнее обстоятельство делает этот язык весьма интересным и перспективным объектом научного исследования.

Следует отметить многовековые контакты с родственным языком фарси, с которым пушту находился в теснейшем контакте на протяжении тысячелетия. Фарси был официальным языком практически всех тех государственных образований, которые сменяли друг друга на территории обитания пуштунских племен. Статус фарси и практические потребности вели к тому, что значительная часть пуштуязычного этноса владела этим языком наряду с пушту. Отмечаются также отдельные случаи перехода небольших частей пуштуязычного этноса на фарси. Последний оказал очень серьезное влияние на пушту, до семидесяти процентов лексики которого составляют персидские заимствования. При этом системы выражения количественных отношений в грамматике пушту и фарси обладают значительными отличиями, и в этом смысле пушту ни в малейшей степени не подвергся влиянию фарси. Таким образом, с точки зрения принципиальной организации системы средств выражения количественных отношений пушту оказывается значительно ближе к русскому языку, относящемуся к другой языковой группе, причем каких-либо тесных контактов между ними не отмечается.

Рассмотрение с типологических позиций средств выражения количественных отношений в языках пушту и фарси позволили автору выдвинуть гипотезу о том, что на определенном этапе развития языка,

когда складываются основные структурные принципы его организации, существуют альтернативные пути выбора системы выражения количественных отношений. Выбрав один из возможных вариантов, язык последовательно развивает систему соответствующих средств выражения количественных отношений, которая органически вплетается в общую системную организацию выразительных средств языка, располагая также сложными связями с другими структурными подсистемами языка. Сложившаяся система выражения количественных отношений характеризуется стабильностью в своих отношениях внутри себя и в своих связях с другими подсистемами. В отличие от лексической системы языка, где количественное и качественное изменение выразительных средств под внешним влиянием может происходить относительно быстро, подсистема выражения количественных отношений не поддается воздействию. Подобное утверждение на данном этапе может рассматриваться лишь в качестве гипотетической универсалии, доказательство которой требует специального исследования на обширном материале структурно разнообразных языков.

В работе рассмотрены все части речи языка пушту, в которых получили развитие формальные показатели множественности.

Объектом исследования языковые средства, используемые для выражения количественных характеристик обозначенного предмета или реальности. Это сфера, доминантой которой является грамматическая категория числа имен существительных и других частей речи. В нее входят средства выражения множественности в сфере наименований исчисляемых предметов, за исключением тех случаев, когда в соответствующей номинации данное значение не получило четкой идентификации.

Предметом исследования диссертации является функционально-семантическая нагрузка языковых единиц морфологического уровня языка - аффиксов, передающих значение количества и объединенных на основе выполняемой ими функции в совокупность компонентов выражения грамматической категории числа как составной части ФСК числа в современном языке пушту в сопоставлении с функционально адекватными им средствами русского языка. Сопоставление с генетическими родственными, но типологически кардинально отличающимися от пушту в сфере выражения квантитативных отношений иранскими языками, проводится

ограниченно, лишь в случаях, когда это необходимо для решения главных задач исследования.

Целью исследования является выявление и анализ функциональных особенностей ФСК числа, представленных системой разноуровневых средств выражения, в современном языке пушту в сопоставлении с русским и генетически родственными иранскими языками.

Цель исследования обуславливает постановку ряда предметных **задач**, которые включают в себя:

1. обобщение существующих в языкознании точек зрения, отражающих состояние изученности лингвистического аспекта категории количества с позиций функционально-семантического подхода;

2. определение арсенала языковых средств выражения грамматической категории числа частями речи пушту, установление характера их связей и соответствий во взаимодействии с темпоральностью, а также с модальным, словообразовательным и синтагматическим аспектами;

3. классификацию релятивных аффиксов по критерию информативной релевантности и степени контекстуальной связанности соответствующего категориального понятия;

4. систематизация принципов структурно-семантической организации грамматической категории числа языка пушту, а также определение содержания ее ядра, околядерной зоны и периферии;

5. сравнительный и сопоставительно-типологический анализ грамматической категории числа в современных пушту, фарси и русском языке.

При анализе материала использовалась комплексная методика исследования с опорой на следующие **методы**:

- сопоставительный анализ;
- переводной, описательный и дистрибутивный методы;
- метод полевого структурирования (моделирования языковой структуры);
- анализ словарных дефиниций;
- элементы контекстологического анализа;
- семантическая интерпретация;
- элементы статистического подсчета.

В качестве дополнительных методов использовались обобщение и интерпретация данных, полученных другими

исследователями. Ведущую роль в настоящем исследовании играет сравнительно-сопоставительный метод.

Материалом исследования послужили 1500 примеров-предложений, отобранных методом сплошной выборки из научных публикаций, статей современных газет, произведений художественной литературы, учебных пособий на пушту, а также данные словарей. При их отборе диссертант руководствовался критерием насыщенности предложений разноуровневыми средствами выражения единственного и множественного числа. При этом возникала проблема адекватного перевода современных публицистических материалов и статей лингвострановедческого характера, что, как и само исследование, проводилось в рамках поставленных задач впервые.

Теоретической основой исследования явились научные выводы и положения статей, диссертаций и монографий, а также ряд грамматик и очерков, посвященных пушту и генетически родственным ему языкам дари и фарси.

Методы исследования определялись решаемыми научными задачами. Диссертант изучил труды в области теории функционально-семантических полей А.В. Аверьянова, В.Г. Адмони, Ю. Д. Апресяна, А.В. Бондарко, В.Г. Гака, Е.В. Гулыги и Е.И. Шендельса, Г.С. Щура, Й. Вайсгербера У. Гуденафа, Э. Косериу, Т. Лаунсбери, В. Порцига, Й. Трира и др.

Научная новизна темы диссертации заключается в разграничении типов выражения количественных отношений с использованием элементов синтетизма и аналитизма на разных уровнях языковой системы с разной степенью опосредования через коллективное сознание носителей языка. Кроме этого, в работе впервые на типологических основаниях выделяется система морфологических средств выражения количественности в современном языке пушту, описывается ее взаимодействие с темпоральностью, что обусловлено эргативностью, а также сопоставление ФСК числа языка пушту с функционально равнозначными ей средствами в родственных иранских и современном русском языке. В своем научном труде диссертант не только теоретически осмыслил опыт работы различных филологов в сфере выражения множества и полевой структуры, но и впервые рассмотрел типологию межкатегориального значения, в частности, взаимодействие грамматической категории числа языка пушту с аспектами модальности, словообразования и синтагматики, выполнив свое исследование на уровне достижений современного языкознания.

Положения, выносимые на защиту:

1. Средства выражения количественных отношений в языке пушту образуют две структурно-семантические сферы, не связанные между собой как по формальным, так и по содержательным параметрам. Одна из этих сфер включает совокупность вербальных средств номинативного характера, которые с известной долей условности можно считать прямым отражением в языке количественных отношений, существующих в реальной действительности. Вторая сфера представлена ФСК числа, доминантой которой является грамматическая категория числа имен существительных и других частей речи. В ее состав входят также семантически однородные лексические единицы, отражающие противопоставление единичного предмета его множеству.

2. Функционально-семантическая категория числа – особая форма вербального отражения количественных отношений через коллективное сознание носителей определенного языка, в основе которого лежит противопоставление единичного предмета их множеству. Ее структурной доминантой является грамматическая категория числа, которая в современном пушту свойственна не только имени существительному, где в семантической структуре словоформы выражение множественности представляет собой информационно полноценный компонент значения, но и многим другим знаменательным частям речи, где соответствующий аффикс играет роль внутриязыкового структурного элемента, обусловленного потребностями организации единиц синтаксического уровня языка. В соответствии с данным критерием в работе осуществлена классификация релятивных аффиксов на соответствующие типы.

Чисто релятивная функция аффикса множественного числа у несубстантивных членов, обычно используемая как средство синтаксической связи, преобразуется в семантически релевантную, если понятие количества не получило выражения в субстантивном члене.

3. Грамматическая категория числа в современном пушту основывается на бинарной оппозиции форм единственного и множественного числа. На этапе древнеиранской языковой эпохи грамматическая категория числа базировалась на трехчленной оппозиции: единичный предмет – два предмета – множество предметов. В настоящее время в пушту трехчленная оппозиция категории числа представлена в качестве маргинального явления – фрагмента арабской грамматики в среде ограниченной семантической группировки имен арабского происхождения.

4. В пушту грамматическая категория числа в значительной мере связана с темпоральностью на всех уровнях. Такая особенность обусловлена эргативной конструкцией. По характеру взаимодействия обозначенных сфер можно выделить два системных уровня. Они отличаются друг от друга степенью контекстуальной связанности показателей категории числа. К первому системному уровню взаимодействия грамматической категории числа с темпоральностью относятся средства выражения настоящего времени активного и пассивного залога несовершенного и совершенного вида, будущего времени несовершенного вида, потенциального спряжения настоящего, будущего времени и прошедшего времени, формы перфекта и плюсквамперфекта, также порицательное, условно-желательное и предположительное наклонение только интранзитивных глаголов. Основой данного уровня является подлежащее, которое определяет форму числа сказуемого. Второй системный уровень формируют способы выражения прошедшего времени всех видов переходных и квазипереходных глаголов, формы перфекта, плюсквамперфекта а также потенциального спряжения несовершенного и совершенного вида прошедшего времени, безобъектного спряжения, формы порицательного, условно-желательного и предположительного наклонения. Основой второго системного уровня, как правило, является прямое дополнение, определяющее грамматическую форму сказуемого. При этом подлежащее используется в косвенном падеже. Второй системный уровень отличается от первого гораздо большей степенью контекстуальной связанности друг с другом различных членов предложения по показателям категории числа.

Указанная степень контекстуальной связанности проявляется в использовании особых релятивных аффиксов, характерных для конкретных частей речи современного пушту.

5. Структурно между функционально-семантическими категориями числа русского и пушту языков помимо охвата грамматической категорией числа всех знаменательных частей речи общим является также широкое использование релятивных аффиксов. Однако серьезное отличие заключается в том, что инвентарь аффиксальных моделей формообразования в русском языке представляется достаточно унифицированным, в то время как в пушту наблюдается значительное разнообразие аффиксальных моделей. Одним из важнейших отличий между пушту и русским языками в сфере выражения количества состоит в том, что в пушту широко используется

внутренняя флексия, свойственная многочисленным арабским заимствованиям. Значительное количество подобных моделей и отсутствие каких-либо строгих закономерностей их применения по отношению к определенным классам слов обусловило в итоге разветвленную систему формальных показателей множественности. При этом использование той или иной формальной модели обычно строго регламентировано традицией.

6. В пушту, как и в русском языке, реальное функционирование форм числа сильно выходит за пределы тех рамок, которые обозначены в их формальных дефинициях. В обоих сопоставляемых языках особо широким диапазоном функционирования отличается форма единственного числа, часто используемая в условиях, когда другие контекстуальные показатели детерминируют значение множественности. В частных случаях такого функционирования формы сингуляриса также существуют серьезные отличия.

7. Несмотря на тесные контакты с родственными иранскими языками, располагающими кардинальными различиями с пушту в системе средств выражения количественных отношений, пушту сохранил в целости избранную изначально систему выражения количественных отношений. При этом другие сферы пушту, находящиеся под влиянием доминировавшего языка фарси, претерпели кардинальные изменения.

Теоретическая значимость работы определяется, прежде всего, развитием научного представления о принципах межкатегориального взаимодействия на основе категории количества в языке пушту, изучением проблематики типологических различий в передаче значений количества генетически родственных языков, что было проведено впервые на материале пушту и фарси, а также сопоставлением средств передачи количества в пушту и русском языках.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при составлении сопоставительных грамматик языка пушту в сравнении с родственными иранскими и русским, в практике преподавания этих языков, при написании методических пособий, магистерских диссертаций, дипломных и курсовых работ, для составления двуязычных словарей, а также в курсах по теории перевода. Кроме этого, выявление основных закономерностей функционирования в речи языковых единиц, составляющих ФСК числа, причин их выбора для выражения

определенного коммуникативного задания будет способствовать более полному освоению изучающими язык пушту набора языковых средств, относящихся к сфере количественности.

Апробация работы. Результаты исследования докладывались на научно-практических конференциях Военного университета (апрель 2014, апрель 2015). материал диссертации обсуждался на заседаниях 39 кафедры (среднеазиатских языков) Военного университета.

Основное содержание диссертации отражено в трех публикациях общим объемом 2 п.л. В структурном отношении диссертация состоит из введения, трех глав, завершающихся теоретическими выводами, заключения, приложения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы исследования, раскрывается ее актуальность, определяются объект, предмет, цель и основные задачи исследования, освещаются методы исследования и используемый материал, обосновывается его новизна, приводятся положения, выносимые на защиту, структура диссертации, а также теоретическая и практическая значимость, дается информация об апробации результатов.

Первая глава посвящена мыслительной категории количества в различных философских системах, а также языковой категории множества с позиций функционально-семантического подхода в лингвистике. Здесь также приводятся исследования по данной тематике в сфере иранских языков, к которым относится пушту. Эта глава носит теоретический характер и содержит два раздела.

В первом из них, «**Философские истоки и содержание термина «количество»**», приводятся философские обоснования понятия «категория», «величина», «мало-много». Отмечается, что количество является традиционным объектом междисциплинарных исследований. Общие принципы дополняются положениями из работ видных лингвистов-теоретиков – А.В. Аверьянова, В.Г. Адмони, Л.А. Беловольской, А.В. Бондарко, В.Г. Гака, Е.В. Гульги, Е.И. Шендельса, В.В. Ильина, К. Меннинера, В.З. Панфилова и др. Автор исследования делает вывод о том, что категория количества полифункциональна и вовлекает в себя не только названия исчисляемых объектов, но и наименования интернумеральных понятий: абстрактности,

вещественности и собирательности какого-либо языка. В результате этого в последнем возникает семантическая категория числа, представляющая собой те или иные характеристики предметов и явлений действительности, которые выражаются разноуровневыми языковыми средствами.

Во втором разделе «**Функционально-семантический подход к исследованию категории числа в лингвистике и иранистике**» приводятся взгляды филологов на выражение категории числа языковыми средствами и теорию функционально-семантических полей. Так, приводятся основные положения полевой концепции языка:

1. Поле представляет собой инвентарь элементов, связанных между собой системными отношениями.

2. Элементы, образующие поле, имеют семантическую общность и выполняют в языке единую функцию.

3. Поле объединяет однородные и разнородные элементы.

Результаты проведенных исследований доказали эффективность полевой модели языковой системы. Она представляет собой непрерывную совокупность взаимодействующих полей, пересекающихся в периферийных зонах и имеющих многоуровневый характер.

Подобный подход активно используется в иранистике. Труды Л.С. Пейсикова, И.К. Овчинниковой, Ю.А. Рубинчика и других ученых расширили представление о проявлении множественности в генетически родственных пушту языках – персидском и дари. Диссертант приводит основные сведения о языке пушту и примеры, выражающие случаи передачи количества чего-либо. К ним относятся единицы словообразовательного (суффикс گوتى *gūtay*), лексического (لږ *ləg*) морфологического (واره – وړ *wor-wāřə*, *маленький-маленькие*) или синтаксического (کوچنی ميز *kuchnāy mez*, *маленький стол*) уровней. Отмечается, что особое значение в исследовании морфологии, синтаксиса и словообразования пушту имеют труды А.Л. Грюнберга, К. А. Лебедева, З.М. Калининой, Д.А. Шафеева, В.А. Лившица, Л. С. Яцевич, Р. Р. Сикоева, И.М. Оранского и других авторов.

Данная работа рассматривает взаимодействие частей речи пушту при выражении единичности и множественности на разных уровнях, а также результат такого взаимодействия. В данных условиях грамматическая категория числа наиболее разнопланово проявляет себя во взаимодействии с темпоральностью. Под темпоральностью

понимается категория, определяющая реализацию временных отношений в языке.

Значительно слабее проявляется взаимодействие грамматической категории числа с другими языковыми уровнями. Порядок убывания интенсивности языковых средств и разнообразия словоформ, образовавшихся при подобных контактах, можно расположить в следующей последовательности: модальный, словообразованный и синтагматический аспекты.

Во **Второй главе** рассматривается грамматическая категория числа имени существительного как структурная доминанта ФСК числа и ее ядро в современном языке пушту. При этом подробно анализируются проявления средств выражения числа в данной части речи пушту, а также первый системный уровень взаимодействия грамматической категории числа с темпоральностью. Данная глава состоит из трех разделов.

В первом разделе «**Грамматическая категория числа имени существительного**» приведены особенности проявления количества в имени существительном языка пушту. С точки зрения рассматриваемой категории данная единица является семантической доминантой, в которой наиболее ярко представлена совокупность средств выражения множественности, встречающихся также в остальных частях речи.

Здесь рассматриваются закономерности использования форм единственного и множественного числа, а также их виды.

Единичность представляет собой основное значение форм единственного числа в языке пушту, что подтверждается примерами:

هغه یې په سر کې په پځړۍ تومبې.

hâgha ye pə sar ke pə pagr̥əy tumbĩ.

*Они втыкают ее в **тюрбан** на голове;*

دا خبره په ديپلوماتيکه ژبه له دې قرار داد سره مخالفت دي.

dā khabəra pə diplomatika zhəba lə de karārdād sarā mukhālifāt di.

*На языке дипломатии это **слово** противоречит данному соглашению.*

В отличие от родственных иранских языков существительные пушту в форме множественного числа употребляются после числительных при именной части сказуемого, а также в других случаях, где в дари и персидском обычно наблюдается употребление единственного числа. Наиболее распространено употребление множественного числа в основном - дискретном значении, когда

числовая форма указывает на количество однородных предметов, больше одного:

جرمني حاضریدل په افغانستان کې څلور زره یوه سوه اويا سرتیري لري چې تقریباً ټول د
افغانستان په شمال کې دیره دي.
*jarmanī hāziredəl pə afghānistān ke calōr zə-ra
yawā sāwa awiyā sartīri larī che tākribān tol də afghānistān pə shimāl ke
derā di.*

Воинский контингент ФРГ в Афганистане насчитывает 4 тысячи 170 солдат, при этом почти все они расквартированы на севере страны.

Кроме этого, приводятся примеры, иллюстрирующие случаи нейтрализации семантики формы множественного числа. Необходимо отметить существование в пушту косвенного падежа, влияющего на выражение количественных отношений. У ряда групп имен существительных языка пушту косвенный падеж единственного числа совпадает с прямым падежом их множественного числа.

К первой из них относятся слова, имеющие в единственном или последнем слоге звуки [o], [u]. При образовании множественного числа их словоформы принимают ударное окончание *ə* (*зваракай*), при этом [o], [u] заменяются долгим звуком [ā]. Например, شپون *shpūn* (*настух*) – شپانه *shpānə* (косвенный падеж единственного числа, *настуха*) – شپانه *shpānə* (прямой падеж множественного числа, *настухи*).

Ко второй группе принадлежат односложные имена существительные с кратким гласным *a*. Во множественном числе они принимают окончание *ə* (*зваракай*), при этом краткий [a] выпадает.

В третью группу входят слова, заканчивающиеся на суффикс *[bā]* (*[bə]*), а также слово ميلمه *melmā*, *melmə* – *гость*. Во множественном числе они принимают окончание انه *[ānə]*. Например, کوربه *korbə*, *korbā* (*хозяин дома*) – کوربانه *korbānə* (косвенный падеж единственного числа, *хозяйина дома*) - کوربانه *korbānə* (прямой падеж множественного числа, *хозяева дома*).

К четвертой группе относятся имена существительные с суффиксом گړ *[gār]*. Наряду с добавлением окончания ان *[ān]*, они могут образовывать множественное число путем замены суффиксального гласного [ā] на [ə]. Именно эту форму они принимают в косвенном падеже единственного числа.

К пятой группе принадлежат имена существительные, оканчивающиеся на ударное ی *[āy]* или безударное ی *[ay]*. Соответственно, множественное число у них образуется изменением вышеназванного окончания на ударную ی *[ī]* или безударную ی *[i]*.

Настоящее исследование установило, что имена собственные в пушту не имеют форм множественного числа и употребляются только в единственном. В этом заключается одно из отличий данного языка от русского, в котором такие предложения, как *«Петровы уехали на дачу»*, *«В последнее время родители часто нарекают своих дочерей Софьями»*, *«Мы все глядим в Наполеоны»* соответствуют всем нормам и достаточно распространены.

Смысловой основой грамматической категории числа имени существительного в настоящее время является бинарная оппозиция форм единственного и множественного числа.

Нужно заметить, что формы двойственного числа в пушту присутствуют. Но они проникли в пушту из арабского языка, ограничены сферой арабских заимствований и сравнительно немногочисленны. Однако эти несколько лексических единиц относятся к числу достаточно употребительных, особенно в отдельных функциональных стилях пушту, что не позволяет их отнести к каким-то однозначно маргинальным явлениям языковой периферии. Благодаря своей употребительности арабские формы двойственного числа представляют собой заметное явление, заслуживающее серьезного внимания.

Рассмотренные в исследовании около 60 терминов родства позволили сделать вывод о том, что в области словоизменения, то есть, образования формы множественного числа, среди них наблюдается синонимия формообразовательных способов, а множественность выражается, как правило, аффиксацией. Сингулярные и плюральные формы изученных в рамках данной работы терминов родства языка пушту приведены в приложении.

Довольно многочисленную и разнородную группу представляют собой в пушту существительные, всегда согласующиеся со сказуемым или определениями во множественном числе - *Pluralia Tantum*. При этом большая часть из них не имеет морфологических показателей числа. Только некоторые из них могут быть отнесены к формам плюралиса, в согласовании выявляется также категория рода: большая часть принадлежит к мужскому роду. Можно выделить две группы этих существительных.

К первой относятся лексические единицы, обозначающие однородные субстанции, к которым также относятся некоторые

названия фруктов и овощей, например, اوبه *obə voda*, انگور *angūr vinoград*. Некоторые из этих существительных иногда могут употребляться в единственном числе - غونبه *gwāxa* *мясо*, ميوه *mewā* *фрукт* и другие.

Во вторую группу входят существительные, обозначающие действия, процессы, состояния – بوساري *busārī* *пропаганда*, ترپاكي *trəpāki* *топанье* и т.п. По значению к ним примыкают звукоподражательные и изобразительные слова с суффиксом هار *hār*, شنهار *shəhāhār* – *шелест* и другие.

Количество падежных разновидностей релятивных аффиксов в пушту меньше, но общее количество суффиксов в данном языке значительно больше из-за их синонимии.

Выражение числа в имени существительном пушту отличается значительной вариативностью, что также относится к сфере семантики. Количество одинаково интенсивно представлено в сингулярных и плюральных словоформах. Приведенные примеры доказывают, что аффиксы имен существительных в данном языке семантически релевантно передают количественные характеристики предметов действительности.

Во втором разделе «Грамматическая категория числа имени существительного языка пушту как ядро сегмента взаимодействия с темпоральностью» речь идет о сложной системе видовых и категориальных связей, которая может быть наиболее адекватно представлена в научном плане с использованием теории функционально-семантических полей.

К ядру поля числа языка пушту относятся несколько словоформ несубстантивного характера, которые получили свойства имени существительного.

Прежде всего, основную массу ядра составляют, как правило, имена существительные обоих родов. К ним относится большинство существительных, например, ميز *mez* – ميزونه *mezūna*, стол – *столы*, شپون *shpun* – شپانه *shpānə*, *настух* – *настухи* и многие другие. Особое место занимают случаи, когда при употреблении во множественном числе происходит сдвиг в семантике, например, مرسته *mrəsta* – *помощь*, но مرستي *mrəste* – *виды помощи*, همکاري *hamkārī* – *сотрудничество*, همکاري *hamkārəy* – *аспекты сотрудничества*. Во-вторых, это порядковые числительные, нумеративы и счетные существительные لاس *las* – *десять*, شل *shəl* – *двадцать*, سل *səl* – *сто*, زر *zər* – *тысяча*, لک *lak* – *сто тысяч*, کروړ *kroṛ* – *десять миллионов*, которые субстантивируются

и обозначают исчисляемый предмет, например, پنځم خو دلته دی *pindzəm kho dā-lta dāy* – *пятый уже здесь*. В-третьих, это образование формы множественного числа путём супплетивизма, наиболее последовательно проявляющееся в личных местоимениях, например, زه *zə* – *я*, تاسي *tāsi* – *вы* и другие. В-четвертых, это субстантивированные глаголы, которые при этом принимают форму множественного числа мужского рода, например, لوستل لوستل *lwastəl* – *читать*, но زړه پورې دي *lwastəl pə zřə pūre di* – *чтение интересно*. В-пятых, это субстантивированные прилагательные, которые приобрели значение предмета, утратив значение его признака, например, زلمی *zalmāy* (*молодой*) – زلمیان *zalmiūān*, но *юноша* – *юноши*, بندی *bandī* (*заключенный*) – بندیان *bandiūān*, но *узник* – *узники* и другие. В-шестых, это причастия настоящего времени, которые часто становятся существительными, например, کار کونکی *kār kawūnki* можно в зависимости от контекста перевести как *работающий* (*причастие*) или *рабочий* (*существительное*).

В данном разделе также рассматривается первый системный уровень взаимодействия грамматической категории числа языка пушту с темпоральностью.

Выражение категории числа и темпоральности в системе языка пушту тесно связаны друг с другом. Вторая категория также влияет на синтаксис. Это обусловлено, в первую очередь, эргативной конструкцией. По характеру связи категории числа с темпоральностью можно выделить два системных уровня. Они отличаются друг от друга степенью контекстуальной связанности выражения количественных показателей. Под данным понятием в исследовании подразумевается количество членов предложения, согласующихся друг с другом в отношении единичности или множественности. При этом характеристики количественности у каждого члена предложения зависят от общих свойств единиц конкретного системного уровня. Ядром поля обоих уровней является форма имени существительного, так как другие части речи согласуются с ним, прежде всего, в категории числа.

Как показывают приведенные в диссертации примеры, относящиеся к первому системному уровню, главные члены предложения в них полностью согласованы в числе. Конкретное средство выражения сказуемого на первом системном уровне взаимодействия грамматической категории числа языка пушту с темпоральностью не имеет значения, так как оно остается целым и принимает все свойства множественности подлежащего.

В третьем разделе «**Взаимодействие грамматической категории числа со словообразовательным аспектом**» говорится об особых случаях функционирования множественного числа. Они представляют собой связи грамматической категории числа с уровнем словообразования.

Как и в русском языке, в пушту модели образования плюралиса используются в словообразовательной функции («*выборы*», «*связи*», «*документы*»). В пушту эта функция отдельных моделей развита достаточно широко. В этом отношении особенно продуктивен суффикс *ات* – *at* (انتخابات – *intikhābāt* – *выборы*), а также отдельные модели на основе арабской внутренней флексии (اطراف – *atrāf* – *окраины*, مراسم – *marāsīm* – *церемонии*).

Ряд существительных, являющихся исконной лексикой языка пушту, обнаруживают сходные семантические закономерности при образовании формы множественного числа. Наиболее продуктивными с позиций словообразования абстрактных понятий в конкретные являются существительные женского рода, например, مرسته - *mrṣṭa* - *помощь*.

В обоих языках эта побочная функция моделей образования множественного числа представляет собой маргинальное явление, хотя образованные таким способом отдельные имена существительные обладают заметной употребительностью. Приведенные примеры доказывают, что аффиксы в языке пушту играют не только релятивную, но и модификационную роль.

Третья глава посвящена классификации способов и средств выражения количественных отношений в остальных частях речи пушту. Кроме этого, определяется околядерная зона и периферия грамматической категории числа, а также приводится описание второго системного уровня взаимодействия грамматической категории числа с темпоральностью, затем выявляется специфика первого и второго уровней в степени контекстуальной связанности показателей категории числа. Эта глава содержит четыре раздела.

Первый раздел «**Проявление грамматической категории числа в знаменательных и служебных частях речи языка пушту**» характеризует передачу значения количества в различных частях речи данного языка. Эта категория в полной мере присуща имени прилагательному, причастию, глаголу, ограниченно передана в местоимении, порядковом числительном, и, за редким исключением, отличается невыраженностью в наречии и служебных частях речи.

Грамматическая категория числа в пушту в полной мере свойственна **имени прилагательному**. Исключения составляют несколько имен прилагательных неизменяемого типа, которые свободно сочетаются с именами существительными в обеих формах числа. Формы множественного числа имен прилагательных в пушту, как и в русском языке, отличаются падежными окончаниями.

Причастиям, как отглагольным прилагательным, в пушту свойственна категория числа. Однако она в отношении использования релятивных аффиксов обладает значительными отличиями от категории числа имен прилагательных. Здесь значительная роль в образовании формы множественного числа принадлежит временному значению. Причастия настоящего времени очень легко субстантивируются и, перейдя в разряд имени существительного, получают свойства последнего также и в сфере образования формы множественного числа. Причастия прошедшего времени по моделям образования формы множественного числа отличаются тем, что образование форм числа осуществляется с использованием как глагольных, так и адъективных аффиксов.

Таким образом, в образовании форм между причастиями пушту и русского языка отмечается существенное различие. Более ограниченное количество релятивных аффиксов в пушту обусловлено меньшим количеством падежных форм.

В языке пушту грамматическая категория числа присуща **глаголу**. Семантически она не связана с чисто глагольными категориями и передает информацию о субъекте действия. В отличие от русского языка, в котором формальное уподобление сказуемого осуществляется только с именами в роли подлежащего, в пушту, помимо этого, ввиду наличия эргативной конструкции, форма сказуемого зависит от прямого дополнения при наличии последнего. Указанное явление для языка пушту является широко распространенным, составляя не менее 50 процентов предложений, свойственным всем функциональным стилям. Особую роль в применении средств выражения множественности у глаголов играет фактор их транзитивности или интранзитивности. При формальной невыраженности количественных характеристик в подлежащем и прямом дополнении особый аффикс глагола-сказуемого может выступать единственным выразителем понятия количества.

Таким образом, существуют значительные различия между пушту и русским языками в плане содержания и выражения грамматической категории числа в глаголе, обусловленные наличием в пушту эргативной конструкции.

В языке пушту в **местоимении** грамматическая категория числа получила ограниченное проявление. Как и в русском языке, противопоставление понятия единичности и множественности заключено в лексическом значении самого слова. Таким образом, выражение количественных отношений в местоимении относится не к грамматической, а к лексической категории, составляя ФСК числа. Грамматическая модель образования формы множественного числа в местоимении носит ограниченный характер, будучи при этом в определенных случаях обусловленной родовым значением.

В отличие от русского, в пушту есть особые языковые единицы аффиксоподобного типа, используемые в функции притяжательных местоимений, называемые энклитиками. Эти единицы дифференцируются по квантитативному признаку. Их статус в настоящее время в иранистике не получил однозначной идентификации. Признание их аффиксами, к чему большинство иранистов в данный момент не склоняется, ведет к пересмотру многих вопросов словообразования и словоизменения, в том числе, и касающихся выражения количественных отношений. Однако эта отдельная проблема, нуждающаяся в серьезном исследовании, и применительно к рассматриваемой нами теме представляет собой маргинальное явление.

Грамматическая категория числа в **наречии** отличается невыраженностью, за исключением *تک* *tək* – *совсем* и *ډیر* *dēr*, *زیات* *zyāt* – *очень*. Остальные виды наречий формальных признаков числа не содержат и остаются неизменными. Проявление множественности в двух вышеназванных наречиях аналогично подобному понятию у слабых прилагательных, а у остальных наречий обладает одинаковыми словоформами для сингулариса и плуралисиса.

Служебные части речи пушту, к которым относятся предлоги и послелого, меняют признаки количества существительного, а также подчиненного ему определения. Союзы, частицы и междометия пушту не связаны с выражением квантитативности.

Второй раздел **«Околоядерная зона и периферия сегмента взаимодействия грамматической категории числа языка пушту с темпоральностью»** содержит описание остальных элементов ФСК числа.

Ядро поля числа языка пушту выражает чистое значение множественности или единичности, подчиняя себе околоядерную зону. К происходящим в ней явлениям относятся изменения, которые происходят с сильными (*پروت* *prot* – *پراته* *prātə*, *лежащий* – *лежащие* и другие), синкопированными (*مړ* *mər* – *مړه* *mīrə*, *мертвый* – *мертвые* и другие), прилагательными, заканчивающимися на дифтонг – *ی* *ay* (*نوی* *nəwāy* – *نوي* *nəwī*, *новый* – *новые* и другие), слабыми прилагательными с существительными женского рода (*تور* *tor* – *черный*, *تور کورونه* *tor korōna* – *черные дома*, но *توري*

پیشیانی *ōre pishiyāne* – черные кошки и другие), а также местоимениями-прилагательными خپل *khpəl* – *свой* (خپل کتابونه *khpəl kitābūna* – *свои книги*, خپلي نظريي *khpəle nazariē* – *свои взгляды*), ټول *tol* – *весь, все* (ټول کورونه *tol korūna* – *все дома*, ټولي نجوني *tolē njūne* – *все девушки*), которые передают характеристики ядра при согласовании с существительными множественного числа женского рода.

Эти группы прилагательных всегда принимают формы единственного или множественного числа существительных мужского (за исключением слабых прилагательных) и женского рода, а также других конститuentов, входящих в центр поля. Околоядерная зона также охватывает средства выражения числа у адвербиализированных наречий меры и степени, которые примыкают к прилагательным, усиливая или уменьшая их семантическую нагрузку, например, څاګا راندا څاګا *ḥka řandá ḥaګa* – *совсем слепая женщина*, ډیره اوږدې کوڅې *ḍēre ugḍē kisē* – *очень длинные улицы* и другие.

На границе околоядерной зоны размещены средства выражения множественности, связанные с транзитивными и интранзитивными глаголами, передающими действие настоящего и будущего времени несовершенного вида, а также интранзитивными глаголами во всех временах.

В данных условиях глагол, то есть, сказуемое, всегда будет согласовываться с подлежащим, какой бы частью речи оно не выражалось. Для подтверждения такой классификации ниже приводится таблица спряжения в настоящем времени по лицам и числам транзитивного глагола کول *kawəl* – *делать* (таблица 1) и в прошедшем времени несовершенного вида интранзитивного глагола دریدل *daredəl* – *останавливаться* (таблица 2).

Таблица 1

ед.ч.			мн.ч.		
я	زه <i>zə</i>	کوم <i>kawə-t</i> делаю	мы	مونږ <i>tuŋg</i>	کوو <i>kawī</i> делаем
ты	ته <i>tə</i>	کوي <i>kawē</i> делаешь	вы	تاسي تاسو <i>tāse</i> <i>tāso</i>	کوی <i>kawəy</i> делаете
он она	دی دا <i>day</i> <i>dā</i>	کوي <i>kawī</i> делает	они	دوی <i>duy</i>	کوي <i>kawī</i> делают

Таблица 2

ед.ч.			мн.ч.		
я	زه zə	دریدلم <i>daredə-ləm</i> останавливался	мы	مونڭ <i>mung</i>	دریدلو <i>daredə-lu</i> останавливались
ты	ته tə	دریدلی <i>daredə-le</i> останавливался	вы	تاسی <i>tāse</i>	دریدلی <i>daredə-ləy</i> останавливались
он	دی day	دریده <i>daredə</i> останавливался	они	دوی duy	دریدل <i>daredə-l</i>
она	دا dā	دریدله <i>daredə-la</i> останавливалась		دریدلی <i>daredə-le</i> останавливались	

Здесь представлено полное совпадение в спряжении третьего лица единственного и множественного числа, справедливого для всех глаголов в настоящем времени. Интранзитивные глаголы обладают отдельными средствами выражения рода для сингулярных и плюралных форм третьего лица прошедшего времени. В достаточной мере поле числа языка пушту у глаголов проявляет себя в первом и втором лице. Неполная передача свойств ядра в других лицах определяет глаголы на границу околядерной зоны.

К периферии поля относятся способы выражения количественности у неопределенных местоимений (кроме личных и указательных), например, *سڅه cə* – что, местоимения энклитики: *می mi* – 1-е лицо ед.ч., *دی di* – 2-е лицо ед.ч., *مو mu* – 1-е лицо мн.ч., *مو to* – 2-е лицо мн.ч., притяжательные местоимения: *زما zmā* – мой, *ستا stā* – твой, *زمونڭ zmung* – наши и другие, а также все остальные местоимения, наречия (кроме адverbализированных): *خورا khwarā* – очень, *وراندی wrānde* – впереди и другие, неизменяемые прилагательные: *ځنایسته xāistā* – красивый, *اداري idārī* – административный, а также союзы (*او law* – и, *که څه ham* – хотя и другие), частицы (*خو kho* – однако, *نه na* – нет и другие) и междометия (*افرین afrīn* – браво, *اوځ ukh* – ой и другие).

Кроме этого, в данном разделе приводится описание второго системного уровня взаимодействия грамматической категории числа языка пушту с темпоральностью. К данному уровню относятся

прошедшее время всех видов переходных, квазипереходных глаголов и их другие видо-временные формы.

Третий раздел «**Сегмент взаимодействия грамматической категории числа с модальным аспектом**» обосновывает вывод о том, что взаимодействие грамматической категории числа языка пушту с модальностью обладает свойствами, характерными одновременно как для первого, так и для второго системного уровня взаимодействия обозначенной категории с темпоральностью. К этим особенностям относятся процессы и средства выражения числа, происходящие как в настоящем времени совершенного вида активного залога, так и в будущем времени совершенного вида активного залога, а также в повелительном наклонении.

Особенность данного сегмента состоит в том, что он, с одной стороны, передает значение реальности и ирреальности действия, констатацию факта с долей предположительности или сомнения. С другой стороны, этот сегмент несет в себе характеристики, свойственные как первому, так и второму системным уровням взаимодействия грамматической категории числа с темпоральностью. Факт того, что подлежащее в любом случае подчиняет себе стоящую в совершенном виде образующую форму *k'əl* транзитивного глагола, позволяет отнести подобные случаи к отдельному сегменту взаимодействия грамматической категории числа с другим фактором - модальностью.

Четвертый раздел «**Грамматическая категория числа и синтагматический аспект**» рассматривает влияние служебных частей речи языка пушту, предлогов и послелогов, на образование формы множественного числа у существительных, прилагательных и глаголов. Во многих случаях при употреблении знаменательных частей речи в подобном сочетании происходят специфические явления. Для имени существительного и приравненных к нему частей речи в предложно-именном сочетании характерна форма косвенного падежа, при которой они теряют присущие им обычные свойства и перестают влиять на другие члены предложения. За пределами предложно-именного сочетания подобная закономерность отсутствует, за исключением случаев эргативной конструкции.

ډير ژر به د خوست په څلورو ولسواليو کې د ۱۲۰ هغه پروژو کارونه پيل شي چې خلکو يې وړاندیز کړی دی. *d'er zhər bə də khost pə calōro uluswālīo ke dā yawā sāwa shə-lo hāgha prozhō kārūna pāyl shi che khālko ye w'rāndīz kə'ray dāy.*

Очень скоро в четырех уездах провинции Хост начнется воплощение в жизнь тех 120 проектов, предложенных жителями.

Предлог په *pe* и послелог کی *ke* обусловили окончание و *o* у существительного множественного числа женского рода ولسوالی *uluswālāy* – *уезды* и числительного څلور *calōr* – *четыре*. Предлог د *da* обусловил постановку словосочетания с существительным множественного числа женского рода هغه پروژې *120* – *yawâ sâwa shâl hâgha prozhê* – *те 120 проектов* в косвенный падеж, в котором окончание ی *e* было заменено на و *o*, а числительное ۱۲۰ *yawâ sâwa shâl* – *сто двадцать*, также получило окончание و *o*.

Указанная закономерность справедлива для первого и второго системных уровней взаимодействия грамматической категории числа с темпоральностью и модальным аспектом.

В Заключении подводятся итоги диссертационного исследования, в сжатом виде представлены основные теоретические выводы:

Существуют две структурно-семантические сферы средств выражения количественных отношений в языке пушту. Они отличаются друг от друга по формальным и содержательным параметрам. Первая включает в себя номинативные вербальные средства. Вторая сфера содержит то поле квантитативности, где доминирует грамматическая категория числа имен существительных и других частей речи.

Грамматическая категория числа в данном языке основывается на бинарной оппозиция форм единственного и множественного числа. Хотя в истории иранских языков, а именно на этапе древнеиранской языковой эпохи грамматическая категория числа базировалась на трехчленной оппозиции: единичный предмет – два предмета – множество предметов. В настоящее время в пушту и других иранских языках трехчленная оппозиция категории числа представлена в качестве незначительного фрагмента арабской грамматики, проникшего в иранские языки благодаря массе арабских лексических заимствований.

Грамматическая категория числа в современном пушту присуща не только имени существительному, где она выступает в качестве информационно полноценного компонента семантики именной словоформы, но и практически всем другим знаменательным частям речи, где она в основном является информативно избыточным компонентом семантики словоформы и используется как внутриязыковое средство организации номинативных и коммуникативных языковых структур синтаксического уровня языка.

Широкое использование релятивных аффиксов при образовании множественного числа объединяет пушту и русский языки. В свою очередь, в последней модели аффиксального формообразования подчинены определенным правилам. В пушту подобный порядок не отличается определенностью и зависит от конкретной части речи в ее взаимодействии с другими факторами.

Разнообразие средств выражения множественности резко отличает пушту также и от находящихся с ним в постоянном многовековом контакте родственных иранских языков дари и фарси, где грамматическая категория числа присуща лишь имени существительному и глаголу, причем глаголу она присуща лишь как средство формального уподобления главных членов предложения.

При практическом применении использование форм числа в пушту и русском не ограничивается их формальными дефинициями. Особой частотой функционирования обладает сингулярис в тех обстоятельствах, когда множественность детерминируется другими показателями контекста. Между двумя языками также существуют серьезные отличия в частных случаях применения единственного числа.

Система выражения количественных отношений в пушту характеризуется устойчивостью связей как внутри себя, так и во взаимоотношениях с другими подсистемами языка. Этот факт подтверждается историей развития пушту, который на протяжении тысячелетия подвергся мощному воздействию родственного языка фарси, обладающего кардинально отличной системой выражения количественных отношений. Многие лексико-семантические модели пушту при этом значительно видоизменились, в то время как выражение количественных отношений в данном языке полностью сохранило свою оригинальность.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Статьи

1. Козлов М.А. Структурно-семантическая специфика терминов родства в языке пашто как отражение исторической родоплеменной организации афганского социума. //Ученые записки Российского государственного социального университета, №3 (116), том 2, 2013 г., с. 151-155.
2. Козлов М.А. Системные уровни полевой организации средств выражения количественности в языке пушту. //Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал, №1, 2015 г.

3. Козлов М.А. Некоторые вопросы речевого функционирования словоизменительных моделей множественного числа языка пушту. //Вестник Российского университета дружбы народов, серия «Лингвистика», №2, 2015 г., с. 156-165.

Данные работы опубликованы в периодических изданиях, входящих в список ведущих рецензируемых изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией РФ.

Доклады

Козлов М.А. Выражение множественности предметов в различных речевых ситуациях в языке пушту // Межвузовская научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Лингвокультурологические и когнитивно-практические аспекты современного переводоведения». 2 апреля 2014 года. Военный университет. Факультет иностранных языков.

Козлов М.А. Специфика выражения количества в пушту // Межвузовская научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Лингвистические и лингвокультурологические аспекты современного переводоведения». 15 апреля 2015 года. Военный университет. Факультет иностранных языков.

Подписано в печать 26.01.2016

Зак. 00

Формат 60x84/16 Объем 1,5 усл. п. л. Тираж 100 экз.

Типография Военного университета